

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

О. НАГОДИЛ

ИЗ ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ МАТРИАРХАТА

Проблема матриархата не только представляет большой интерес как с исторической точки зрения вообще, так и в конкретных проявлениях матриархальных порядков и их пережитков у отдельных этнических групп: она, как известно, часто служит также весьма важным и принципиальным критерием при определении прогрессивности концепций того или иного исследователя, той или иной научной школы в разработке вопросов истории первобытного общества.

Многолетний труд советского исследователя М. О. Косвена, кропотливо собранного огромный фактический материал по истории матриархата, завершился изданием его работы «Матриархат» — работы большого значения¹. Но собранные им богатейшие материалы по истории матриархата все же не могут быть признаны исчерпывающими. Автору этого ценного труда не были доступны многие сочинения зарубежных исследователей; трудности усугублялись еще и тем, что среди работ зарубежных ученых редко можно было встретить сочинения, в которых содержалась бы сводка материалов по изучению матриархата. В частности, в чешской науке истории проблемы матриархата касался не только Франтишек Палацкий; однако (и это вполне естественно) М. О. Косвену не могли быть известны другие данные хотя бы потому, что чешская буржуазная наука за последнее шестидесятилетие проблемой матриархата занималась лишь в редких случаях, урывками, причем вопрос о матриархате часто рассматривался как изолированный и второстепенный, связанный главным образом с историей первобытной семьи. Надо подчеркнуть и то важное обстоятельство, что капитальная работа Л.-Г. Моргана «Древнее общество» в чешской науке последних десятилетий замалчивалась и что первое чешское издание этого классического произведения появилось совсем недавно².

¹ М. О. Косвен, Матриархат. История проблемы, М.—Л., 1948. Чешский перевод: М. О. Kosven, Matriarchát. Dějiny problému. Přeložil Lubomír Kotačka. Předmluvu psal O. Nahodil, Praha, 1952. В словацком переводе также изданы две работы М. О. Косвена, посвященные проблеме матриархата: «Matriarchát (Národopisný materiál)», Сб. «Rodová společnost», Bratislava, 1954, «Prechod od matriarchátu k patriarchátu», там же.

² Lewis Henry Morgan, Pravěká společnost. Přeložili J. Hornát a V. Šolc. K vydání připravil O. Nahodil, Praha, 1954. — Отметим, что известный чешский путешественник по Южной Америке Альберто Войтех Фрич, большая часть этнографических коллекций которого хранится в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде, весьма сожалел, что он так поздно, только под конец своей жизни, смог познакомиться с сочинениями Моргана и его методом. Как обвинение идеалистической науке прошлого звучат его слова: «Жаль, что открытия Моргана держались так долго в тайне, хотя высокопоставленные маги науки их старательно плагиировали, — для нас, молодых, они были «табу». Таким образом, и получилось, что они попали мне в руки лишь тогда, когда у меня уже не было возможности заниматься дальше исследова-

Итак, никакой сводки материалов по истории проблемы матриархата в чешской науке до сих пор нет. Составить такую сводку, которая дополнила бы ценный труд М. О. Косвена чешским материалом,— ответственная задача; ее можно решить лишь при условии всестороннего развития работы в области историографии чешской этнографической науки.

Однако и теперь уже можно назвать некоторых чешских авторов и осветить их толкование вопросов матриархата, что позволит нам хотя бы частично дополнить данные книги М. О. Косвена.

* * *

Ни в то время, когда вышло в свет «Древнее общество» Л.-Г. Моргана, ни в ближайшее после этого время мы не находим в чешской научной литературе никаких следов того, что труд Моргана вообще был известен в Чехии. Журналы «*Casopis Českého musea*», «*Osvěta*» и «*Světobzor*» ни словом не обмолвились о появлении новой книги. Позже имя Моргана только упоминается среди других имен в перечне авторов в работе Л. Нидерле «Очерк истории антропологии»³ и в статье Э. Коваржа «Очерк истории этнологии»⁴.

По-видимому, первый «анализ» труда Моргана содержался в опубликованной в 1898 г. работе Т. Г. Масарика «Социальный вопрос», представляющей собой антиматериалистический, прежде всего антимарксистский, памфлет. Следует думать, что Масарик ознакомился с трудом Моргана лишь с целью создать видимость того, что его критика марксизма базируется на источниках. Чтобы облегчить себе критику трудов Энгельса, Масарик (как, впрочем, и ряд других идеалистов) умаляет значение Моргана: «Кроме Дарвина,— писал он,— Энгельс особенно воспринял учение американского этнолога и социолога Моргана; в нем он нашел подтверждение марксизма, которое нельзя обойти вниманием, но исторический материализм... остался не при чем»⁵. В другом месте Масарик в противоречии с действительностью приводит знакомое утверждение совре-

ниями, руководствуясь этими открытиями, или же проверить, насколько они применимы по отношению к жителям Южной Америки». (A. V. F r i č, *Indiáni Jižní Ameriky*, Praha, 1943, стр. 76).

О результатах исследований Моргана в области истории семьи и рода, как и проблемы распада первобытно-общинного строя у античных греков и римлян, умалчивалось целых семьдесят лет также в трудах по классической филологии и истории. После первого издания сочинений Моргана в чешском переводе появилась весьма важная статья, автор которой, Ян Печирка, на целом ряде документов показал, какой хаос существовал в чешских работах по истории древних греков и римлян в вопросах семьи, рода и так называемой «королевской власти» базилевса. Свой критический анализ произведений видных представителей буржуазной чешской истории древнего мира автор заключает словами: «Наши ученые — специалисты по древней истории и классической филологии — пользовались здесь методом, обычным и в зарубежной науке, однако от этого ничего не меняется в объективных результатах их метода. В своих работах мы учитываем труды наших предшественников, но при этом мы должны быть критичны; поэтому так важно отличать в домарксистской науке все положительное и объективно правильное от неправильного и реакционного. На примере Моргана мы видели, как приходится марксизму защищать именно такие положительные достижения буржуазной науки от самой буржуазной науки. Не случайно поэтому наши исследователи античности не допускали своих читателей и учеников к знакомству с идеями Моргана. Это могло произойти только после свержения капитализма в нашей стране. Но мы все еще в неоплатном долгу перед Морганом; ведь до сих пор мы знали о нем только благодаря Марксу и Энгельсу, несмотря на то, что книгу Моргана должен был бы знать каждый, кто изучает древнюю историю. И не только ради ее научных положений, из которых многие уже устарели и довольно известны, но главным образом для того, чтобы каждый из нас задумался, почему мы за все годы нашего обучения в высших учебных заведениях никогда не слышали имени Моргана, почему оставались неизвестными моргановские идеи» (Jan Pečírka, L. H. Morgan a naše věda o antickém starověku, Журн. «*Listy filologické*», IV (LXXIX), 2, 1956, стр. 271—272).

³ Журн. «*Athenaeum*», 1890, стр. 49.

⁴ Там же, 1891, стр. 237.

⁵ T. G. M a z a r y k, *Otázka sociální*, Praha, 1946, т. I, стр. 170.

менной воинствующей антимарксистской науки, будто «Энгельс рецепировал в системе Маркса всего Моргана»⁶.

Касаясь матриархата, Масарик самым категорическим образом заявляет: «Очевидно, что энгельсовский матриархальный рай — это конструкция, не отвечающая действительности»⁷. Сколько-нибудь серьезная аргументация в защиту этого вывода отсутствует. «По всем данным, которые нам известны и по которым мы можем судить,— пишет Масарик,— первобытный человек никогда не был коммунистом, наоборот, он был противником всякого коммунизма. Коммунизм, как бы этого ни хотел Энгельс, вообще никогда еще не существовал. Энгельс сам исповедует дарвинистический эволюционизм, и его пра-Адам даже живет еще на деревьях,— аналогия с животными скорей указывает на некоммунистический образ жизни. Во всяком случае, чувство половой ревности было тогда, по-видимому, так сильно развито, как это может быть только у животных, стоящих на высшей ступени развития. То, что в противовес этому приводит Энгельс, лишено обоснованности. Если далее примем во внимание, что первобытный человек, особенно мужчина, был очень воинственным (и в изображении Энгельса) и что мужчина всегда превосходил женщину физической силой, если примем к тому же во внимание, что женщина как роженка и кормилица периодами исключалась из общественной жизни,— частично это касается и периода беременности, по крайней мере в последней стадии, и менструации,— то не может быть и речи о матриархате à la Энгельс»⁸. Таким «конкретным материалом» пытался аргументировать Масарик, добавляя следующее подстрочное примечание: «Для того чтобы читатель мог живее представить себе женский «генс» Энгельса, пусть лучше проанализирует родственные и другие отношения наших внебрачных детей, носящих фамилию матери»⁹. Само собой разумеется, что анализировать эту «аргументацию» в специальном научном журнале решительно нет никакой необходимости. Но важно указать, что Масарик отрицал даже и предположение о том, что в первобытном обществе первоначально не было известно биологическое отцовство: «Судя по достоверным сведениям, отец, как правило, был всегда известен и его взаимоотношения с детьми определены»¹⁰.

Откуда же черпал Т. Г. Масарик материалы и идеи для подобного «ниспровержения» учения о матриархате? В указанной работе он цитирует «новейшую литературу», которая «не подтверждает» взглядов Моргана и Энгельса. Тут мы встречаемся с давно знакомыми именами: Кунов, Гроссе, Дюркгейм, Даргун, Гильдебранд, Мукке, Вестермарк, Старке; один лишь Колер, по словам Масарика, разделяет взгляды Моргана — Энгельса¹¹. После своего «анализа» и ссылки на «знатоков» Масарик приходит к заключению: «Матриархата, желательного Энгельсу, никогда и не было. Морган в этом вопросе смотрит более трезво, у него матриархат не имеет большого значения. Энгельс же выразил здесь взгляды крайние и утопические»¹².

Могут спросить: зачем было специально останавливаться на подобного рода суждениях о матриархате? Затем, чтобы показать, какую отрицательную роль сыграли они в развитии чешской науки. Как раз после выхода в свет сочинения Масарика было наложено табу как на учение Моргана — Энгельса вообще, так и на их учение о матриархате. Высокое общественное и научное положение Масарика само по себе исключало какую бы то ни было критику его воззрений, разоблачение их антинаучной сущности. Со времени издания «Социального вопроса» Масарика

⁶ Там же, стр. 217.

⁷ Там же, т. II, стр. 42.

⁸ Там же, стр. 42—43.

⁹ Там же, стр. 43.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 44.

¹² Там же, стр. 45.

проблемы первобытно-общинного строя, и в том числе матриархата, были отвергнуты. Чешская буржуазная этнография почти целиком отгородилась от принципиальных вопросов общей этнографии, а буржуазная социология, которая косвенно занималась так называемой этно-социологической проблематикой, в большинстве случаев лишь повторяла взгляды Масарика. Такова причина отставания чешской науки в разработке проблемы матриархата за последние 60 лет.

* * *

Первым популяризатором марксистского понимания истории первобытного общества в Чехии был выдающийся представитель рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Чехословакии, Богумир Шмераль (1880—1941). Говоря о нем, В. И. Ленин всегда с признательностью подчеркивал, что в силу своей высокой честности он был единственным из руководящих деятелей бывшего II Интернационала, по убеждению отдавшим себя служению коммунистическому движению.

Богумир Шмераль, как нам приходилось уже писать¹³, вошел в историю чешской этнографии прежде всего как первый переводчик произведения Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Его перевод, сделанный по девятому немецкому изданию книги, вышел в Праге в 1906 г. Богумир Шмераль, который был всесторонне образован в вопросах этнографии и социологии, снабдил свой перевод сочинения Энгельса предисловием, в котором познакомил читателя с историко-материалистическим методом изучения первобытного общества. Указывая на материалы, которыми он пользовался, Шмераль тем самым знакомит читателя с произведениями Бахофена, Мак-Леннана и, в первую очередь, Моргана. О Бахофене он совершенно правильно пишет, что «в своем «Материнском праве» он собрал материал о различных правовых отношениях, взглядах на брак, на половую жизнь, о женском праве, родственных связях и т. д., материал, который содержится в разрозненном виде в мифологии и старой литературе»¹⁴. Особенное же внимание читателя Богумир Шмераль обращает на Л.-Г. Моргана, который «делает ценнейшие открытия» в области изучения родственных отношений у ирокезов; «Энгельс,— добавляет Шмераль,— этот богатый материал исследует и объясняет с точки зрения своих материалистических воззрений»¹⁵. Очень важен тот факт, что работа Богумира Шмерала в этой области не ограничивается переводом произведения Энгельса и написанием предисловия к нему. Б. Шмераль издал собственную небольшую брошюру «Развитие семьи»¹⁶, написанную по-словацки и отпечатанную, кстати сказать, весьма небрежно. Скорее всего — это популярная лекция Шмерала. В брошюре разбираются отдельные формы первобытной семьи, рассматриваются вопросы группового брака, определяется значение исследований Бахофена, Мак-Леннана, Моргана и Энгельса.

Богумир Шмераль не дал ничего нового в исследовании проблемы матриархата. Тем не менее его деятельность популяризатора в области истории первобытного общества, в частности по вопросам матриархата, имела в то время немалое значение. Надо помнить, что во времена, когда книги типа «Социальный вопрос» Масарика выдавались представителями буржуазной науки за апогей чешского социологического мышления,

¹³ См. О. N a h o d i l, Bohumír Smeral jako popularisátor díla Engelsova a Morganova, «Český lid», 1952, стр. 136—137.

¹⁴ Bedřich Engels, Původ rodiny, soukromého vlastnictví a státu, Praha, 1906, стр. V.

¹⁵ Там же, стр. VI.

¹⁶ B. Šmeral, Vývoj rodiny, «Slovenská komunistická knižnica», без выходных данных).

когда матриархат был объявлен «конструкцией, не отвечающей действительности», — чешским и словацким рабочим все же было возможно черпать объективные знания о древней истории человечества благодаря популяризаторской деятельности Б. Шмерала.

В начале XX в. и в период между двумя мировыми войнами в чешской буржуазной науке лишь изредка проскальзывали правильные суждения о матриархате, обычно не получавшие отклика. Все же такие суждения были, и здесь следует на них остановиться.

В официальной этнографической литературе этого периода совершенно несправедливо были преданы забвению исследования чешского путешественника по Индонезии врача Павла Дурдика (1843—1903). П. Дурдик в течение десяти лет работал в России, после чего поступил на должность военного врача в голландской колониальной армии. Он принимал участие в голландском походе на северную Суматру, а двумя годами позже перенес свою деятельность на остров Ниас, у западного побережья Суматры. Как врач-гуманист он снискал симпатии местного коренного населения, находившегося тогда на стадии родового быта. Часто сталкиваясь с местным населением, с которым у него были самые лучшие отношения, Дурдик стал усиленно заниматься этнографическими исследованиями. Он собрал богатые этнографические коллекции предметов, которые ему дарили за лечение. Это самое большое собрание подобного рода в Европе; даже в голландских музеях нет такой великолепно укомплектованной коллекции, какой является коллекция Дурдика, хранящаяся ныне в Музее общей этнографии им. В. Напрстека в Праге.

Дурдик написал несколько книг и ряд статей на чешском и голландском языках. В одной из его забытых книг¹⁷ можно найти очень любопытное описание матриархальных порядков у малайского населения области средней Суматры. Здесь, писал Дурдик, «еще сохранилось материнское право (метрархия), которое господствовало в глубокой древности и в нашей части света. Мать здесь до сих пор является представительницей рода, центром семьи и всегда остается владелицей дома и всего, что принадлежит семье; дети же становятся членами того рода, к которому принадлежит мать. Семейное имущество матери могут наследовать только ее дети, отнюдь не муж или родственники мужа. Дети говорят о материнском доме, а не об отцовском. Не отец, а мать является хозяйкой над своими детьми, а отцовскую власть над ними имеет самый старший брат матери (мамак)»¹⁸.

О матриархальных порядках у малайцев средней Суматры очень выразительно свидетельствуют обычаи, связанные с семейным бытом, в первую очередь со свадьбой. Если молодой человек сватается к девушке, он просит согласия не у отца невесты, а у ее матери, дяди или других родственников со стороны матери. Иногда девушка сама выбирает жениха, и если ее мать согласна, дело кончается свадьбой. В других случаях жениха для своей дочери находит мать. Но брак еще не означает образования семьи как экономически самостоятельной единицы с самостоятельным домашним хозяйством. «Обе брачные стороны остаются жить у своих матерей, и муж приходит к жене только по вечерам. Он не живет у нее, считается чужим, не принадлежащим к семье человеком, который живет в семье лишь некоторое время (оранг менумпанг). Муж живет в доме своей матери вместе со своими сестрами, под надзором которых находится все его личное имущество и которые, вместе с их детьми, имеют право на все, что он зарабатывает. Однако все работы, которые он выполняет на поле с своей женой, идут в ее пользу. Наследство от отца получают не его дети, так как они принадлежат матери и могут получать наследство только от матери, а его сестры или их дети. Наследственный титул (на-

¹⁷ Pavel Durdik, *Manželství v tropech*, Praha, 1902.

¹⁸ Там же, стр. 92—93.

пример, титул вождя — туанку) по этой же причине переходит не от отца к сыну, а к сыну сестры (каманкан)»¹⁹. Далее чешский путешественник сообщает, что у малайцев «женщина содержит себя и детей, и муж уже не должен заботиться о детях, рожденных от него. Вообще же на средней Суматре, где туземцы занимаются возделыванием рисовых полей, женщины отличаются ревностной заботливостью по отношению к детям и домашнему хозяйству»²⁰. Поэтому никто не спрашивает: «Кто твой отец?» Ввиду того, что малаец средней Суматры «отца и не знает», вопрос ставится так: «Кто твоя мать?» или же «Кто твой мамак?». «Отец,— пишет автор,— лицо второстепенное, отодвинутое на задний план; судьбой и браком детей распоряжаются мать и мамак. Отец в этом не принимает никакого участия, он своего рода инкогнито, пребывающее вне семейного круга, и дети после него ничего не наследуют. Спрашивая малайца об отце, вы приведете его в большое замешательство, так как он даже и не знает, что такой вопрос может существовать»²¹.

Дурдик отметил также случаи экзогамии среди малайского населения средней Суматры. Он пишет, что «супруги не смеют быть из одного и того же поколения, так что муж и жена всегда принадлежат к разным поколениям». Под термином «поколение», как это вытекает из общего контекста, очевидно, надо понимать род. Путешественник указывает, что «таких поколений (ветвей) на Паданском нагорье насчитывается до сорока... В каждой малайской деревне можно найти представителей даже десяти различных поколений; каждому, где бы он ни был, хорошо известно, что происходит в его родовой ветви, и представитель какой-нибудь ветви, встречаясь со своим соплеменником на чужбине, всегда радостно приветствует его»²².

Как уже было сказано, малайскому населению данной территории была неизвестна семья как самостоятельная экономическая единица. Нашей семье у малайского населения соответствовало нечто вроде временного супружеского сожительства, что характерно для парной семьи. Отдельные парные семьи жили в общинных жилищах, характеристика которых, сделанная пером чешского врача, не лишена интереса. «Население одного дома быстро разрастается: здесь живет мать с дочерьми, у дочерей дети — в доме весело, и ребят там, как пчел в улье. На Паданском нагорье существуют большие дома, где под одной крышей спокойно уживаются 10—20 семей (по нашим понятиям). Дома эти большие, как казармы, длинные и просторные. Особенно были бы переполнены эти дома ночью, если бы братья взрослых обитательниц не уходили ночевать в дома своих жен. Когда дом становится слишком тесным для все время разрастающейся семьи, поблизости строится новый дом, и часть обитателей старого дома переселяется туда. Вырастает целый ряд домов, в которых живут члены одной семьи. И все живут там друг возле друга мирно, без ссор и не враждуя. В таком доме вы найдете мать, ее сыновей и дочерей (живущих сплошь да рядом после свадьбы в доме матери), а также и всех внуков и внучек по женской линии. И над всеми властвует самый старший брат матери мамак, который пользуется большим уважением у племянников и племянниц. Отношения между мамаком и племянниками полны сердечности, приблизительно как у нас между добрым отцом и сыном. Если умирает мамак, его права и обязанности переходят к самому старшему сыну старшей сестры или, если тот на это неспособен, к следующему по возрасту сыну. Один из них становится мамаком над всеми потомками своей бабушки (по женской линии). Таким образом, начальник племени является представителем той прама матери, от которой происходят все ее потомки по женской линии; он очень уважаем своими

¹⁹ Pavel Durdik, Указ. раб., стр. 93—94.— Разрядка автора книги.

²⁰ Там же, стр. 95.

²¹ Там же, стр. 98.

²² Там же, стр. 99.

одноплеменниками и охотно приходит им на помощь и дает советы во всех случаях жизни»²³.

Нет необходимости подчеркивать, что приведенная картина матриархального строя на средней Суматре является ценным свидетельством матриархата. Перед нами рельефно и ярко встает жизнь не только далеких нам обитателей Суматры, но, в известной степени, и жизнь наших собственных далеких предков. Однако важно и то, что чешский путешественник ясно сознавал, что в данном случае он имеет дело не с каким-то исключительным явлением, но с характерной картиной общественной жизни, свойственной в далеком прошлом всему человечеству. Он понимал, что матриархат — это не только универсальное явление в истории первобытного общества, но что он является более древним, чем патриархальный строй. И эту свою мысль П. Дурдик ясно выразил такими словами: «Как каменный век предшествовал употреблению железа, так и в жизни народов материнская кровь (кровное родство через лоно матери) предшествовала преемственности по отцовской линии. Как первородный камень уступил железу, так уступила власть матери власти отцовской. Каменный век — это знак седой старины, — точно так же и материнский строй»²⁴.

Надо полагать, что как материалы, так и концепция чешского путешественника П. Дурдика имеют известную ценность. Не упомянуть о взглядах этого автора в истории проблемы матриархата нельзя.

* * *

Не безынтересны и взгляды по вопросам матриархата, которые выразил в своих работах выдающийся чешский антрополог-географ, этнограф и путешественник — безвременно погибший профессор Пражского Карлова университета Иржи Вацлав Данеш (1880—1928). Этот автор многих научных и научно-популярных трудов, путевых заметок о Цейлоне, Индонезии, Австралии и Океании в некоторых местах своих работ, не цитируя использованной им теоретической литературы, приводит свои высказывания по вопросам матриархата.

Взгляды И. В. Данеша можно свести к следующим основным тезисам.

1. Данеш подчеркивает важное значение того факта, что самым отсталым этническим общинам не было известно физиологическое отцовство; это, по его мнению, имело связь с матриархальным общественным строем. Так, в научно-популярном сочинении «Земля и развитие человечества» Данеш пишет: «Функция половых сношений, как единственного способа размножения, более или менее не известна как последователям тотемизма, так и другим племенам на различных ступенях развития, и зачатие приписывалось колдовству и разным явлениям природы, имеющим связь с тотемом племени. Это и является одной из главных причин, почему отцовство не играет почти никакой роли в жизни племени, родственные же связи и взаимоотношения с молодежью управляются главным образом так называемым материнским правом»²⁵. В описании своего путешествия по Океании Данеш пишет: «До сих пор еще у большинства меланезийских племен не существует права наследования от отца к сыну, да и не было правильного понимания их физиологической связи»²⁶. Не известно, основаны ли эти высказывания Данеша на известном сообщении Б. Малиновского об отсутствии понятия физиологического отцовства у тробриандских аборигенов или на собственных полевых исследованиях. Во всяком случае Данеш уделял этому вопросу очень много внимания и пы-

²³ Там же, стр. 96. — Разрядка автора книги.

²⁴ Там же, стр. 103.

²⁵ J. V. Daneš, *Země a vývoj lidstva*, Praha, 1927, стр. 53—54.

²⁶ J. V. Daneš, *Tři léta při Tichém oceánu*, Praha, 1926, т. II стр. 300.

тался объяснить его своим бесспорно своеобразным предположением: «Может быть вполне правдоподобным, что естественное объяснение процесса размножения, настоящий, физиологический смысл отцовства, т. е. полового акта в целях оплодотворения, стал для человека ясным только после того, как он при ежедневном соприкосновении с прирученными животными убедился в причинной связи полового акта с новым рождением»²⁷.

2. Следует подчеркнуть, что Данеш считал матриархат стадией, предшествующей патриархату, хотя он понимал матриархат в большинстве случаев в более узком смысле, т. е. как стадию развития только семьи (с подобным взглядом мы встречаемся и у целого ряда буржуазных авторов). В одной из своих работ Данеш заявляет: «Хотя полинезийские племена и сохраняют еще основную форму первобытного коммунизма и у них живы еще пережитки тотемизма, тем не менее материнское право, порядок преемственности по женской линии уже регрессирует и его место занял патриархат — расцвет владычества отцов, а с ним право наследования, семья в более современной понятии, родовая аристократия и очень ясно выраженная функция вождя»²⁸.

Взгляды Данеша четко выступают в другом его сочинении, где его изложение матриархата включено в общее изложение истории первобытных общественных отношений. «Примитивное материнское право, — пишет Данеш, — хотя и называется матриархатом, еще не означает владычества женщин, гинеократии, а, наоборот, его надо объяснять в соответствии с действительной жизнью «дикарей» как положение, при котором повседневные обязанности и забота о детях почти целиком лежат на женщинах, которые совершенно исключаются из высших сфер управления и ритуальной жизни племени. Мужья и отцы не имеют никаких обязанностей по отношению к собственным детям, так как настоящее значение отцовства им непонятно и затемнено верой в «непорочные зачатия»²⁹.

Несмотря на то, что в этом принципиальном вопросе Данеш придерживается взгляда на матриархат главным образом как на стадию развития семьи (очевидно, под влиянием известной ему работы В. Риверса³⁰), надо все же отметить, что он во всех своих произведениях считает матриархат стадией, предшествовавшей патриархату.

3. Очень важно и то обстоятельство, что Данеш связывает матриархат с религиозными представлениями тотемического характера. В то время как, например, Дж. Фрезер и ряд последующих буржуазных этнографов сопоставляли с тотемизмом экзогамию, являющуюся лишь одним из признаков семейных и родовых отношений, Данеш связывал тотемизм с матриархатом, причем из одного места в его сочинении совершенно отчетливо следует, что на этот раз под матриархатом он имеет в виду стадию не только в развитии семьи, но и в развитии рода. Он пишет, что система религиозных представлений, свойственных патриархату (в данном случае не имеет значения, каких именно), одержала победу над «тотемами старых кланов и племен, основанных на материнском праве»³¹. Под совершенно правильным углом зрения Данеш прослеживает, как при патриархате исчезают тотемические представления и видное место начинают занимать более развитые культ духов и культ предков: «Вместо мрачных традиций племени, связанных с тотемным символом и известных нам у австралийцев и меланезийцев, появляются мифы о часто обожествленных предках, их длинной родословной, якобы вполне достоверной до

²⁷ J. V. Daneš, *Tři léta při Tichém oceáně*, т. II, стр. 300.

²⁸ J. V. Daneš, *Původ a zanikání domorodců v Australii a Oceanii*, Praha, 1924, стр. 99.

²⁹ J. V. Daneš, *Země a vývoj lidstva*, стр. 54. — Разрядка И. Данеша.

³⁰ W. Rivers, *Social organisation*, London, 1924.

³¹ J. V. Daneš, *Tři léta při Tichém oceáně*, т. II, стр. 300.

тридцатого колена, а в некоторых случаях и дальше, и глубже»³². «Тотемизм в первоначальной своей форме уже находился в упадке и забвении, а почитание духов и предков овладело и мифами, и целым культом»³³.

Принимая во внимание эволюцию взглядов на историю первобытных общественных отношений в чешской науке периода между двумя мировыми войнами, взгляды И. В. Данеша можно считать бесспорно исторически прогрессивными. Пока результаты историографических исследований показывают, что в 1930-х годах Данеш был, пожалуй, единственным исследователем, который придавал большое значение вопросам матриархата, понимая последний как стадию общественного развития, предшествующую патриархату. Надо отметить и то важное обстоятельство, что именно эти взгляды Данеша в чешской этнографической литературе 1930—1940-х годов были преданы полному забвению.

* * *

Работа в области историографии чешской этнографической науки показывает, какие именно тенденции мешали в прошлом правильному и плодотворному развитию теоретической работы и какие труды замалчивались официальной чешской этнографией. С другой стороны, эта работа показывает, где искать правильные прогрессивные тенденции в развитии чешской этнографической науки. Совсем не случайно, что в работах современных чешских исследователей проблемы матриархата и история его изучения изложены совершенно по-новому.

³² J. V. Daneš. Původ a zanikání domorodců v Australii a Oceanii, стр. 99.

³³ Там же, стр. 102.